

Меня зовут Лэ-лэ, мне пять лет. Я заметил, что у папы Шэня есть особый способ заявлять: Это мой дом!

Такой метод я называю мечением территории.

Ярче всего это проявляется на диване. Каждый вечер, когда мы смотрим телевизор, папа Шэнь первым садится ровно посередине, а папа Гао Ту устраивается рядом. Но стоит нам увлечься просмотром, как рука папы Шэня незаметно ложится на спинку дивана за спиной папы Гао Ту. Спереди кажется, будто он просто положил её случайно, но на самом деле эта поза позволяет ему держать папу Гао Ту в радиусе досягаемости.

Однажды папа Гао Ту встал, чтобы сходить на кухню за фруктами, и рука папы Шэня так и зависла в воздухе. Он не убрал её и не изменил позу, так и замер в этом неловком положении, пока папа Гао Ту не вернулся с тарелкой и не сел на прежнее место. Только тогда папа Шэнь непринужденно опустил руку обратно.

Я про себя подумал: разве у него рука не затекает?

А ещё во время еды. Папа Шэнь постоянно накладывает папе Гао Ту еду — да так много, что она вырастает целой горой. При этом он приговаривает: Ешь больше, ты в последнее время очень устаешь. Но сам при этом пристально следит за палочками папы Гао Ту, словно боится, что тот отложит предложенное угощение в сторону. И если папа Гао Ту действительно съедает всё, что ему положили, уголки губ папы Шэня едва заметно приподнимаются, а ледяной блеск в его глазах хоть немного, да оттаивает.

Сегодня утром я стал свидетелем ещё более занятой сцены.

Папа Гао Ту стоял в прихожей и наклонился, чтобы надеть туфли — сегодня ему предстояло идти на встречу с секретарем Цинем. Папа Шэнь стоял рядом, скрестив руки на груди, и наблюдал, как папа Гао Ту поправляет галстук. Посмотрев на это пару мгновений, он вдруг протянул руку и сказал: Криво.

Затем он лично взялся за дело, чтобы поправить узел галстука. Его движения были медленными, пальцы неуклюже перебирали ткань, и возился он довольно долго. Папа Гао Ту послушно стоял, слегка запрокинув голову, с выражением легкой, покорной улыбки на лице.

— Ну что, готово? — спросил папа Гао Ту.

— Угу, — отозвался папа Шэнь, но руку не убрал. Вместо этого он, не меняя позы, аккуратно поправил воротник рубашки папы Гао Ту и смахнул несуществующую пылинку. Он выглядел так, будто бережно ухаживал за чем-то очень важным, что принадлежит только ему.

Напоследок, прежде чем папа Гао Ту вышел за дверь, папа Шэнь добавил: Возвращайся пораньше. Голос его прозвучал всё так же сухо.

Когда дверь закрылась, папа Шэнь постоял на месте несколько секунд, прежде чем

отправиться в столовую. Я заметил, что, поправляя галстук, он случайно смахнул с тумбочки для обуви закладку в виде толстого кролика, которая лежала там. Он наклонился, поднял её, кончиками пальцев очень нежно погладил этого кролика, а затем бережно вернул на место.

Я жевал хлеб, наблюдая за этой чередой действий, и вдруг всё понял.

Папа Шэнь не мастер говорить сладкие слова, но он по-своему, тихо и упрямо, оставляет следы своего присутствия в каждом уголке нашего дома.

Он метит не диван, не еду в тарелке и даже не галстук.

Он оберегает того, кого любит больше всего, и этот дом, который он так сильно ценит. Я правда чувствую, как мне повезло жить в такой семье.

<http://bllate.org/book/18624/1793088>